

УДК 821.161.1-2
ББК 83.3(2=411.2)5-46
DOI: 10.46726/Н.2021.1.3

Н. Л. Ермолаева

«НЕВОЛЬНИЦЫ» А. Н. ОСТРОВСКОГО И «ГОРЕ ОТ УМА» А. С. ГРИБОЕДОВА

Исследователи, обращавшиеся к теме «Островский и Грибоедов», традиционно рассматривают возможность сопоставления с образом Чацкого только героев-мужчин из пьес Островского. Автор статьи исходит из убеждения, что в ряде его произведений роль героя-идеолога переходит от мужчины к женщине. В этом смысле наиболее показательной является пьеса «Невольницы», в которой, единственной у Островского, главной героиней становится образованная женщина. В статье показана своеобразная трансформация в этой пьесе сложившегося со времён Грибоедова «канона», каким является «герой во фраке», его использование при создании образа женщины. Автор статьи находит сходство конфликтной ситуации, сюжетных поворотов в пьесах Грибоедова и Островского, главной героини пьесы «Невольницы» Евлалии с образами Чацкого и Софьи, а других персонажей — с образами Молчалина, Фамусова, Лизы. Роднит две комедии и глубина драматизма их финалов.

Ключевые слова: «герой во фраке», трансформация канона, Евлалия — Чацкий и Софья, Мулин — Молчалин, драматизм в комедии, «Невольницы», Островский и Грибоедов.

N. L. Ermolaeva

“CAPTURED WOMEN” (“NEVOLNITSI”) BY A. N. OSTROVSKY AND “WOE FROM WIT” BY A. S. GRIBOEDOV

In the traditional framework of the study of the theme “Ostrovsky and Groboedov” the researches view mainly the possibility of comparing Chatsky to the male characters of Ostrovsky. The author of the article makes an assumption that in the series of Ostrovsky’s works the role of the character-ideologist translates from a man to a woman. The most peculiar in this respect is the play “Captured Women” (“Novolnitsi”) where Ostrovsky presents an educated woman as the main character that is unique for his creative work. The article shows the specificity of transformation of the canon of “a character in a tailcoat” coming from Griboedov’s times and its use in creating the character of a woman. The author of the article finds the affinity of the conflicts, the plot intrigues in the plays by Griboedov and Ostrovsky as well as the similarity of the main character of “Captured Women” Eulalia to Chatsky and Sofia, and of the other characters to Molchalin, Famusov, Liza. Another similarity between the two comedies is the depth of the drama in their final scenes.

Key words: “a character in a tailcoat”, transformation of the canon, Eulalia — Chatsky and Sofia, Mulin — Molchalin, drama in a comedy, “Captured Women” (“Novolnitsi”), Ostrovsky and Groboedov.

Проблема «А. Н. Островский и А. С. Грибоедов» не раз привлекала к себе внимание. Ещё современники драматурга отметили некоторое сходство с Чацким героев пьес «Доходное место» и «На всякого мудреца довольно простоты» Жадова и Любимова, с Фамусовым — в образах Вышневецкого

и Юсова, с Молчалиным — Белогубова и Глумова. По преимуществу этим же героям уделяют внимание и авторы специальных работ по теме — А. Л. Гришунин [3], С. А. Фомичёв [11], В. П. Мещеряков [8].

А. И. Журавлёва пишет о том, что характерный для русской классической литературы интеллектуальный герой, герой-идеолог, образ которого впервые появился у Грибоедова, в пьесах Островского отсутствует. Следуя за А. А. Григорьевым, назвавшим Чацкого одним «из высоких вдохновений Островского» [2, с. 228], Журавлёва утверждает, что «Островский чуть ли не всю жизнь пытался написать своего Чацкого», но попытка повторить этот образ у драматурга «оборачивается глубокой трансформацией канона, иногда серьёзной, иногда комической, пародийной» [5, с. 73]. Как и её предшественники, исследовательница ищет такого героя среди мужских образов в пьесах драматурга.

Нам же представляется возможным подойти к вопросу о грибоедовской традиции в творчестве Островского с несколько иной стороны. Очевидно и общепризнанно, что в литературе середины XIX века Островский — один из тех авторов, которые на первый план выдвинули образ женщины. У драматурга это «героиня с горячим сердцем», противопоставленная целому миру (Маша Незабудкина, Катерина, Аннушка, Аксюша, Лариса и др.), — нравственная героиня в безнравственном окружении. В одной из самых поздних комедий Островского «Невольницы» это — Евлалия. Такое место в структуре пьесы уже даёт некоторое право на сравнение её не только с трагическим героем, но и героем комедии Грибоедова Чацким. В сюжетных поворотах, характеристиках персонажей пьесы Островского просматриваются перипетии отношений Чацкого, Софьи, Молчалина, Лизы.

Комедия «Невольницы» была задумана автором 11 декабря 1878 г. и носила первоначально название «Иосиф Прекрасный», которое имело иронический смысл, но указывало на то обстоятельство, что пьеса эта, как и вся поздняя драматургия Островского, ориентирована на культурную традицию. В первоначальном варианте замысла должен был быть использован известный библейский сюжет о соблазнении мужчины женщиной, «любовь жены благодетеля к его воспитаннику», сложные перипетии «сентиментальной страсти» героини, а в конце — катастрофа: её отравление (цит. по: [9, с. 52]). Осенью 1880 г. пьеса была закончена, и к тому времени найдено её новое название «Невольницы», сюжет стал соответствовать обозначенному автором жанру — «комедия»: предполагавшаяся ранее катастрофа в конце отменялась; возлюбленный главной героини (Иосиф Прекрасный) из воспитанника превратился в служащего в конторе компании мужа. Однако сюжетная линия по-прежнему перекликалась с библейской: по словам В. Я. Лакшина, «новый Иосиф спасается бегством от бурной страсти жены “благодетеля”, едва не оставляя в её руках клоч своего платья» [7, с. 487].

В процессе работы над пьесой претерпел значительную эволюцию и образ главной героини: из похотливой и коварной развратницы (по первоначальному замыслу её имя Еротиида, т. е. любезная [4, с. 680]), она превращается в одну из героинь драматурга, которых можно определить евангельским изречением, использованным им в качестве названия своей последней пьесы, — «не от мира сего». По характеристике прислуги, она «мамамина дочь», поскольку «маменька их в заведении, которое для барышень, главная начальница» [9, с. 157]. В этих словах драматург приоткрывает предысторию героини, важную для понимания её образа. Имя героини Евлалия означает

«благоречивая» [4, с. 690], и, по воле автора или помимо неё, указывает на особое положение героини в творчестве драматурга — это единственная из его героинь, получившая институтское образование. Её речь отличает ориентация на книжные, преимущественно романтические источники. Героиня с полным правом может заявить оскорбившему её чувства нелюбимому мужу о том, что уйдёт от него «в гувернантки, в сельские учительницы» [8, с. 215]. При этом автор показывает, что институтское, оторванное от жизни образование, приобщённость к западной романтической культуре, излишняя зависимость от материнской опеки, воспитание в отрыве от реальной действительности развили в Евлалии мечтательность, не дали необходимых знаний об окружающем мире и умения разбираться в людях. Она чиста, правдива, нравственна и при этом порывиста, импульсивна, экзальтирована. Муж её, Евдоким Егорыч Стыров, говорит о том, что Евлалию выдали за него «почти насильно. Мать до двадцати пяти лет держала её взаперти и обращалась с ней, как с десятилетней девочкой. Я её купил у матери» [9, с. 159]. В представлении мужа, Евлалия — прекрасная, по-своему экзотическая вещь.

Название пьесы, подобно названиям других произведений Островского — «Лес», «Пучина», «Волки и овцы», носит символический характер. Будучи замужем уже несколько лет, Евлалия ощущает себя невольницей безлюбного брака с человеком, истинные достоинства которого не разглядела. В её представлении, «муж... человек мелочной, без души... родные, знакомые, всё это эгоисты, холодные...» [9, с. 185]. Она не видит и не хочет видеть любви и душевной щедрости Стырова, пребывание в окружающем её обществе для неё мучительно. Евлалия — невольница своего восторженного чувства к ловкому деловому человеку, служащему у её мужа — Мулину, невольница тех сентиментально-романтических представлений о жизни, которые привила ей мать. Мулин представляется Евлалии в облике высокого героя, «с возвышенным умом... с нежными, благородными чувствами...» [9, с. 185], честным, бескорыстным, даже поэтом, а потому скрывающим своё истинное отношение к женщине, ставшей женой другого человека, готовым ради неё на многолетнее ожидание избавления от ненавистного брака со Стыровым. Евлалия полюбила Мулина задолго до замужества: «Помните, как мы, бывало, в зале у маменьки музыку Шопена слушали, а на акте вальс танцевали; помните, с балкона на звёзды смотрели» [9, с. 171—172], — вспоминает она и открывает Мулину тайну собственной души, причину своего согласия на брак: «Я знала, что вы живёте в одном доме с Евдокимом Егорычем, что вы будете близко, что я могу вас видеть каждый день... <...> Я принесла жертву для вас... я хотела уничтожить препятствие, которое нас разделяло» [9, с. 173].

Во всём этом Евлалия напоминает грибоедовскую Софью, начитавшуюся сентиментальных романов и опозитизировавшую в своём воображении Молчалина. Чувство Евлалии к Мулину, как и чувство Софьи к Молчалину, целомудренно, ей достаточно духовного общения с ним. Евлалия готова на любые жертвы ради этой любви и могла бы сказать о себе словами грибоедовской Софьи: «Вы знаете, что я собой не дорожу...» [1, с. 159].

Однако «влюблённая по воображению» героиня Островского близка не только Софье, но и Чацкому, который, как и Евлалия, видит только тёмные стороны своего окружения и тяготится миром пошлости: «Мучителей толпа, / В любви предателей, в вражде неутомимых, / Рассказчиков неукротимых, / Нескладных умников, лукавых простяков...» [1, с. 163]. Мулин заполняет «мысли и дела» Евлалии, её «сердца каждое биенье» [1, с. 107] ускоряется

любовью к нему и только к нему. Чувство героини к Мулину по поэтичности, искренности и постоянству можно сравнить с чувством Чацкого, для которого без Софьи «мир целый» — «прах и суета» [1, с. 107].

В поведении Евлалии для окружающих очевидны наивность, экзальтированность, неумение, а подчас и нежелание скрыть собственные чувства. И этим она похожа на Софью и Чацкого одновременно. Как Чацкий в доме Фамусова — белая ворона, «сумасшедший», так и Евлалии не хватает здравого смысла и осмотрительности. Для окружающих её поведение достойно не только насмешки, но и подозрения, что и использует ловкая горничная Марфа, пытающаяся убедить Стырова в злом умысле его жены.

Объяснение Евлалии и Мулина напоминает объяснение Чацкого и Софьи: даже тогда, когда Софья прямо говорит о любви к Молчалину, Чацкий не верит ей. Так и Евлалия не принимает разумных речей Мулина. Из всего им сказанного, она услышала только слова о том, что он любил её, а потому уверена, что любит и теперь: «Пять лет я мечтала, пять лет дожидалась свидания с ним... Он боится себя... Он меня ещё любит. Как я счастлива! *(Почти рыдая.)* Как я счастлива! Мечта моей жизни сбывается. О, я ещё увижу радости. Единственная моя радость — это он; мне больше ничего не нужно» [9, с. 175]. Евлалия воображает, что имеет право требовать от возлюбленного прекратить всякое общение с женщинами, только ей оказывать знаки внимания. Если же он не согласится на это, она угрожает рассказать всем о своей любви и о том, что он будто бы завлекал её. Такое поведение Евлалии — свидетельство не только её экзальтации, но и мстительности. Именно мстительность проявляет Софья в отношении к Чацкому, когда распускает слух о его сумасшествии. Однако, в отличие от Софьи, Евлалия лишь угрожает Мулину, но не мстит ему.

В меньшей степени, чем Евлалия и грибоедовская Софья, близки Мулин и Молчалин. Мулин, как и Молчалин, живёт в доме хозяина, служит в качестве секретаря, пользуется доверием Стырова. Схожи жизненные цели героев: оба ищут богатую невесту; схожи их любовные отношения: как Молчалин предпочитает Софье Лизу, так и Мулин предпочитает Евлалии Софью Сергеевну, жену Коблова, и страшно боится, что Стыров заподозрит его в амурных отношениях с Евлалией, а в результате он потеряет выгодное место. Он совсем не рад поручению Стырова развлекать его жену на время отсутствия мужа. В то же время, как и Молчалин, «в угоду» жене «такого человека», он вынужден проводить время с Евлалией «по должности» [1, с. 103], принимая вид любовника. Его отношение к Евлалии можно было бы охарактеризовать словами Молчалина: «Пойдём любовь делить плачевной нашей крали» [1, с. 158]. Общению с Евлалией он предпочитает игру в карты. Как и Молчалин, который, по выражению А. С. Пушкина, «не довольно резко подл» [10, с. 96], Мулин не решается соблазнить жену своего покровителя. Как о Молчалине, о Мулине можно было бы сказать словами Софьи: «Конечно, нет в нём этого ума, / Что гений для иных, а для иных чума...» [1, с. 109].

Однако в житейском смысле Мулин умен и рассудителен. Признания Евлалии его пугают, он стремится сдерживать её пыл, урезонить её, объясняя причину того, почему не искал брака с ней: «Евлалия Андревна, каждый дельный человек думает о своей судьбе, вперёд составляет себе планы; благородная бедность в мои планы не входила. Я мог предложить вам только нищету, и вы бы её приняли. Нет, вы лучше поблагодарите меня, что я не погубил вас и не запутал себя на всю жизнь» [9, с. 172].

Разочарование Евлалии в Мулине случается неожиданно, в результате использования Островским распространённого в западной и русской драматургии приёма узнавания. Другая «невольница» в пьесе — Софья Сергеевна — из добрых побуждений поведала Евлалии о своей любовной связи с Мулиным, которая держится на том, что она ему платит. И здесь очевидна переключка с ситуацией узнавания в финале комедии Грибоедова. Софья Сергеевна поучает Евлалию: «То-то и беда, что все эти достоинства только в вашем воображении. Полюбите вы самого обыкновенного, дюжинного человека, вообразите себе его героем, да и ждёте от него разных подвигов: бескорыстной преданности, самоотвержения...» [9, с. 187]. Это поучение очень близко тому, которое Чацкий обращает к Софье: «Бог знает, за него что выдумали вы... / Быть может, качеств ваших тьму, / Любуясь им, вы придали ему...» [1, с. 107]. С Чацким, упрекающим Софью: «Зачем меня надеждой завлекли? / Зачем мне прямо не сказали, / Что все прошедшее вы обратили в смех?!» [1, с. 162], сближают Евлалию её несправедливые упреки Мулину: «Значит, вы меня нисколько не любите и не жалеете. Ну, коли я не могу, коли я страдаю... Ну, что ж мне делать? Ведь я не могу же перенести, чтоб вы были близки с какой-нибудь другой женщиной. Я умру... это выше сил моих» [9, с. 178]. Разочарование Евлалии в Мулине влечёт чувство, близкое тому, что испытывает Чацкий. Разрывая отношения с Мулиным, она могла бы сказать словами этого грибоедовского героя: «Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом» [1, с. 162].

Финальное объяснение Евлалии и Мулина также переключается с пьесой Грибоедова. Когда героиня наконец понимает, что её герой представляет собой на самом деле, она прогоняет его от себя и говорит о презрении к нему. Он же искренне радуется этому: «Да ведь какой камень-то с меня свалился!» [9, с. 222]. В отличие от Молчалина, Мулин не пытается выпросить прощение, не ползает у ног героини, но поучает её: «Презирать-то — презирайте; а и поблагодарить меня вам тоже не мешает. <...> Вы сами признаётесь в любви и кидаетесь на шею человеку, которого вы совсем не знаете. Будь во мне поменьше совести и уважения к Евдокиму Егорычу или только просто не служи я у него, ведь из этого мог бы выйти скандал веселый. И сам-то бы я насмеялся над вами вдоволь, да и всему бы городу удовольствие большое доставил. Так вы сначала поблагодарите меня, что я этого не сделал, а потом уж презирайте, пожалуй» [9, с. 223]. И Евлалия благодарит его, как Софья благодарит Молчалина за то, что при свиданиях с ней «в ночной тиши» он держался более «робости во нраве, / Чем даже днём, и при людях, и в яве...» [1, с. 159]. И героиня Грибоедова и героиня Островского вынуждены признать своё поражение и свою вину. Как и Молчалин, в финале пьесы Мулин оказывается вне всяких подозрений. Он вполне оправдывает своё имя: Артемий означает «здравый» [4, с. 670]. Его здравомыслие привлекает к нему симпатии читателя и зрителя. И в этом смысле герой Островского выгодно отличается от Молчалина.

Переключаются с «Горем от ума» и другие ситуации и характеристики в пьесе. Софья Сергеевна похожа на Лизу в ситуации, когда смеётся над любовной экзальтацией Евлалии, хорошо зная, что представляет на самом деле её избранник. Горничная Марфа, подобно Лизе, помогает встречам Евлалии и Мулина, но и, «как лист», дрожит, что вдруг «кто доведёт барину» [9, с. 190] об этом. Стыров так и остаётся в неведении по поводу истинного смысла

отношения жены к секретарю и тем самым напоминает Фамусова, который так ни в чём и не заподозрил Молчалина.

История отношений Евлалии и Мулина лишь отдалённо увязывается с сюжетом библейским, однако для русской литературы XIX века она архетипична: любовь чистой и нравственной женщины к человеку, её не достоинству, самообман героини в результате незнания жизни и людей, и глубокое разочарование в итоге. Воплощённый в драматической форме Грибоедовым в «Горе от ума», этот сюжет впоследствии не раз повторится в русском романе: Татьяна и Онегин у Пушкина, княжна Мери и Печорин у Лермонтова, Вера и Марк Волохов у Гончарова, Настенька Годнева и Калинович у Писемского, Катерина Измаилова и Сергей у Лескова, Наташа Ростова и Анатолий Курагин, Анна Каренина и Вронский, Катюша Маслова и Нехлюдов у Толстого и др. В творчестве Островского подобная ситуация в разных вариантах присутствует в пьесах, написанных и до, и после «Невольниц»: Марья Андреевна Незабудкина и Мерич, Дуня Русакова и Вихорев, Параша Курослепова и Вася Шустрый, Юлия Тугина и Дульчин, Лариса и Паратов, Кручинина и Муров, Ксения Кочуева и её муж. Несомненно, что отношения Евлалии и Мулина нужно рассматривать в русле той же традиции.

Примирение Евлалии с пошлостью окружающей её среды — это расплата героини за ту вину, с которой она пришла в пьесу: за согласие выйти замуж без любви для того только, чтобы быть ближе к любимому человеку. По первоначальному замыслу драматурга, Евлалия, видимо, должна была отравиться. Подобный финал поставил бы пьесу в один ряд с такими произведениями драматурга, как «Гроза» и «Бесприданница», в которых гибель героинь — следствие их трагической вины. В «Невольницах» катастрофы не случилось, однако радость Стырова по поводу того, что Евлалия теперь будет каждый день играть в карты, неоправданна: выбор героини говорит о том, что она духовно сломлена, и не сулит им обоим семейного счастья.

Комедия «Невольницы» о том времени, когда в России, по словам Толстого, «всё перевернулось и ещё только укладывается». В ней, как и во всех поздних пьесах, драматург сталкивает нравственные представления и понятия с понятиями и представлениями «современными» и показывает торжество последних. Высокие нравственные запросы Евлалии здесь осмеяны окружающими, на фоне современной действительности они выглядят анахронизмом. На первый взгляд может показаться, что и автор осуждает героиню, смеётся над её экзальтированностью. Однако в мире Островского, по словам Журавлёвой, «смешное и высокое никак не противопоставляются» [6, с. 17]. В этом смысле Евлалия оказывается близка таким несомненно положительным героям Островского, как Любим Торцов, Несчастливцев, Платон Зыбкин. Обращение к грибоедовской традиции в «Невольницах», как и в пьесах об этих героях, помогает драматургу раскрыть всю глубину драматизма образа Евлалии. Она одна противопоставлена пошлости окружающего мира. Заключительные сцены комедии (объяснения Евлалии с Марфой, с мужем, с Софьей Сергеевной, с Мулиным) несомненно располагают зрителя к ней, восстанавливают в его глазах её человеческое достоинство и доказывают чистоту её помыслов, благородство порывов. Тем безотраднее оказывается финал пьесы, который ставит под сомнение её жанровое обозначение. Глубокий драматизм финала комедии Островского позволяет уверенно говорить о его сходстве со столь же глубоко драматичным финалом комедии Грибоедова.

Список литературы

1. Грибоедов А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1971. 384 с.
2. Григорьев А. А. Театральная критика. Л.: Искусство, 1985. 408 с.
3. Гришунин А. Л. А. Н. Островский и А. С. Грибоедов // Наследие Островского и советская культура. М.: Наука, 1974. С. 77—92.
4. Жития Святых / сост. Иоанн Бухарев. М.: Отчий дом, 1999. 696 с.
5. Журавлёва А. И. А. Н. Островский — комедиограф. М.: Изд. МГУ, 1981. 216 с.
6. Журавлёва А. И. «Правда — хорошо, а счастье лучше» // Литература в школе. 1998. № 3. С. 12—18.
7. Лакиин В. Я. Островский (1878—1886) // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1975. Т. 5. С. 475—498.
8. Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX века). Л.: Наука, 1983. 269 с.
9. Островский А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 8. 552 с.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1979. Т. 10. 712 с.
11. Фомичёв С. А. «Горе от ума» в наследии Островского // А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков. Л.: Наука, 1974. С. 7—27.

УДК 811.161.1'37

ББК 81.411.2-003

DOI: 10.46726/H.2021.1.4

Е. И. Лобанова, Н. В. Суворова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕРЕВО» В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

В данной статье рассматривается одна из самых актуальных проблем современной лингвистической науки — проблема репрезентации определенного концепта в произведениях современной художественной литературы. В рамках поставленной проблемы предпринимается попытка системного анализа различных способов вербализации концепта «дерево» в «неисторическом» романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». На основании многообразия выявленных языковых средств, обеспечивающих репрезентацию всех основных смыслов данного концепта как концепта-константа, устанавливается закономерное сходство общих и частных представлений о данной лингвокультурологической категории, реализующихся не только в произведениях русского народного творчества, но и в произведениях современной художественной литературы. Разнообразие лексических средств, включающих прямые и производные номинации концепта, фразеологические единицы, однокоренные слова, синонимы, лексемы, связанные гиперо-гипонимическими отношениями, а также метафорические номинации концепта, способствует наиболее точному и полному отражению специфики авторского видения концепта-константа «дерево». Однако способы вербализации данного концепта, выявленные в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр», наглядно свидетельствуют и о тесной и неразрывной связи индивидуального мироощущения писателя с национальным менталитетом, с традициями русского народа, глубоко уходящими своими корнями в дохристианскую эпоху.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, структура концепта, способы вербализации концепта, концепт «дерево».